

Весеннее обострение

Весна пришла, солнышко засияло, растопило сугробы. Весело чирикающие воробьи стали купаться в лужах. А тут и почки распустились... у начинающего пенсионера Сергея Львовича. Заодно и печень о себе напомнила, застарелая язва когти выпустила. Сергей Львович терпел, терпел и всё же позвонил своему участковому врачу.

Она, немолодая уже, пришла в сырых ботах, сердитая и тяжело дышащая. Послушала Сергея Львовича и равнодушно сказала:

— У вас весеннее обострение. Не смертельно, но я бы посоветовала сходить на приём к нефрологу. Прямо завтра и идите.

И Сергей Львович прямо завтра и пошёл. Отстоял очередь в регистратуре, получил талончик и сел на жёсткую лавку под дверью кабинета нефролога. На табличке значилось, что приём ведёт врач второй категории Мошкина Н. Е. «Новенькая какая-то», — отметил про себя Сергей Львович.

Попасть к этой самой Н. Е. также хотели ещё несколько человек. Сергей Львович терпеливо дожидался своей очереди, с досадой прислушиваясь к тому, что у него происходит во взбунтовавшемся организме. А было всё то же: почки, печень ныли, в висках бухало.

«Боже мой, а ведь ещё всего лет двадцать назад у меня по весне было только сердцебиение. И лишь при виде хорошеньких девушек. Особенно в мини-юбках, — с тоской подумал Сергей Львович. — А теперь что? Финита ля комедия?»

Наконец пригласили его. Сергей Львович тяжело поднялся и прошёл в кабинет. За столом что-то быстро-быстро писала врач, Мошкина Н. Е. Она тоже была уже немолодой. Но такая аккуратенькая, такая приятная на лицо и с такой статной осанкой, которая угадывалась в ней, даже сидящей, что Сергей Львович тут же принял боевую стойку. А когда Мошкина Н. Е. оторвалась от бумаг и подняла на него совсем ещё молодые ярко-синие глаза, сердце у Сергея Львовича дрогнуло и забилось учащённо.

Врач была похожа на неприступную красавицу Ниночку Ершову, в которую в своё время была влюблена вся мальчишеская половина их класса. И ещё добрая половина пацанов из параллельного. Но больше всех влюблённым в Ниночку был Серёжка Бурцев.

Однако, как это часто бывает, выбор Ниночки Ершовой пал совсем не на него и вообще ни на кого из их школы. Жениха Ниночке подыскали её родители — сыночка какого-то большого начальника. Она вышла замуж за того придурка и затем уехала с ним из их маленького городка в областной центр, где, говорили, выучилась на врача. Сергей же страдал недолго и скоро влюбился в другую девочку, свою однокурсницу. На ней он и женился, когда они уже заканчивали строительный техникум. Потом развёлся, ещё раз женился, неожиданно овдовел и больше уже не испытывал судьбу, а предпочёл жить один.

Год назад Сергей Львович, дослужившись до начальника СМУ, ушёл на пенсию и подрабатывал вахтёром в стенах родного техникума. Конечно, женщины в этой его холостой жизни всё ещё присутствовали, но всё реже и реже. Либи́до Сергея Львовича вполне закономерно стало ослабевать под грузом прожитых лет и настырно подступающих хворей. А тут, при виде молодожавой врачихи, так похожей на Ниночку Ершову, это самое либи́до встрепенулось и как никогда живо напомнило о себе.

— На что жалуетесь? — спросила Сергея Львовича Мошкина Н. Е. всё ещё мелодичным голосом.

И кровь бросилась в лицо Сергею Львовичу: это был её голос, Ниночки Ершовой!

— Нина... Нина Егоровна, ты что, не узнаёшь меня? — севшим от волнения голосом спросил он, вспомнив даже имя её отца.

— А кто вы? — с любопытством спросила Нина Егоровна, внимательно глядя в лицо Сергея Львовича. — Погодите, погодите... Это ты, Андрей? Нет? Значит, Игорёшка? Тоже нет? Ну, тогда это ты, Мишаня!

— Это я, Серёжка Бурцев! — печально сказал Сергей Львович.

— Боже мой, Серёжка! — Нина Егоровна прижала ухоженные руки к накрахмаленному белоснежному халату. — Ну да, Серёжка! Какой ты стал солидный. Я бы сказала, импозантный! То-то я тебя не узнала. Ну, что ты, как ты? Болеешь, что ли? — Да что ты, Нина! Я присяду? Просто... Просто, я случайно узнал, что ты вернулась в наш городок

и работаешь в больнице,—соврал Сергей Львович.— Дай, думаю, навещу, проверю: узнаешь ли, вспомнишь ли. Как семья, как муж?

— Да я уже лет пятнадцать как одна. Не спрашивай почему. Увы, уже пенсионерка. Два года как вернулась в наш городок. Но дома не сидится, а в больнице как раз врачей не хватает. Вот и работаю ещё. Давай я тебя всё же послушаю. Весна же, пора обострений. Вон как у тебя лицо пылает. Давление, наверное, подскочило. Давай померю.

— Да я и так знаю, Ниночка, что оно у меня скакнуло. А ещё у меня сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Какое счастье, что я тебя увидел! А помнишь, что я тебе написал в записке в шестом классе? А в восьмом— портрет твой нарисовал. Правда, он тебе почему-то не понравился...

— А как я в девятом от тебя бегала?— подхватила оживившаяся и тоже вся раскрасневшаяся Нина Егоровна.— Как же ты мне тогда надоел, Бурцев, со своими ухаживаниями! Да и сейчас, вижу, смотришь на меня такими же глазами... Ну что ты на меня так смотришь, Серёжка? Я ведь уже старуха!

Нина Егоровна вздохнула и опустила глаза.— Кто? Ты?!— почти закричал Сергей Львович.— Да ты как была для меня самой красивой девчонкой не только нашей школы, но и всего нашего городка, всей планеты, так ею осталась!

— Это правда?— Нина Егоровна вновь подняла на Сергея Львовича свои лучистые синие глаза.— Врёшь ведь, Серёжка... Ну ладно, раз ты у меня здоровый, выйди в коридор, и подожди, я уже заканчиваю приём. Посидим где-нибудь, поговорим.

— Можно— у меня дома, Ниночка? Я тут недалеко живу, тоже, кстати, один. Нам никто мешать не будет. И у меня такой гуляш есть, сам вчера приготовил!

— А приставать не будешь, как в десятом классе?— лукаво спросила Нина Егоровна, кокетливо поправляя выбившийся из-под белой шапочки локон.

— Да ну что ты, как можно!— неуверенно сказал, выходя из кабинета, Сергей Львович.

А уже в коридоре, прислушавшись к своим почкам, печени и прочим органам, решил: ещё как можно! И даже нужно. Уж сейчас-то он своего счастья не упустит. Ну а случись чего, личный врач— вот он, под боком!

«Самое оно»

В пятницу Валентина позвонила Пятайкину на работу и попросила по пути домой зайти в аптеку и купить какой-то чепухи— то ли от кашля, то ли от головной боли. Григорий прикинул: если взять на вечер не шесть, а три банки любимой «Балтики», денег на эту чепуху должно хватить.

В аптеке Пятайкин долго ходил от витрины к витрине, разглядывая разноцветные и разномастные

коробки и упаковки, пузырьки. И тут Григорий увидел неприметную коробочку с крупной надписью «Самое оно» и ниже помельче: «Мужчина становится неотразим! Все женщины в восторге! Эффект— 24 часа».

«Интересно»,— подумал Григорий. Он уже принимал и «Виагру», и «Вука Вука», но всё это было не то. То есть ему-то нравилось, а вот Валентине— нет. Попробовать, что ли, это самое «Самое оно»? И Григорий купил две упаковки многообещающего средства.

Дома он отдал жене её лекарства, а своё оставил в кармане куртки. И забыл про него— по ящику допоздна шёл хоккей, а что может быть лучше хоккея с пивом? Валентина уже посапывала в их супружеской постели, когда Пятайкин наконец утомился. Забравшись под одеяло, он потянулся было к спящей жене, но вспомнил, что забыл принять «Самое оно». Впереди же были выходные, и Пятайкин решил перенести своё законное домогательство к жене на субботу.

Утром он проснулся первым («Балтика» своё дело знала!) и пошёл в туалет. Уже когда умылся, вспомнил про «Самое оно». «А приму-ка я его с утра!»— озорно подумал Григорий.

Он распаковал коробку, там оказалась всего одна таблетка. Григорий подумал и распечатал вторую упаковку— чтобы уж наверняка! Запил обе таблетки водой из-под крана. И тут же почувствовал, что на него накатила волна необыкновенной нежности и желания позаботиться о жене, он даже весь содрогнулся от охватившего его чувства.

Григорий хотел было тут же пойти в спальню. Но ноги его понесли почему-то на кухню. А там Пятайкин неумело, но споро пожарил яичницу с колбасой, заварил свежего чая с лимоном, поставил всё это на поднос. И понёс в спальню!

— Вставай, милая!— хрипло, но нежно сказал Григорий, сам не понимая, что говорит.— Я тебе завтрак принёс. В постель. Вот!

Валентину как будто кто подбросил.

— Пятайкин,— сказала она тонким голосом,— это ты?

— Да, милая, это я,— подтвердил Григорий, целуя Валентину в тёплую и розовую со сна щёку.— Завтракай, дорогая. А я пока пойду помою посуду.

Чашка с чаем выпала из рук Валентины на простыню.

— И простынку постираю, ты не беспокойся,— поспешно сказал Пятайкин и, оставив жену сидеть с открытым ртом, пошёл мыть посуду.

А ещё он в тот день пропылесосил квартиру, развеял на балконе бельё на просушку (стирку Валентина всё же отбила для себя) и сварил обед, правда, пересолив его. При этом каждый раз, когда их пути в квартире пересекались, Григорий без конца обнимал и тискал свою жену и говорил ей такие

комплименты, что Валентина просто вся светилась от удовольствия. Надо ли говорить, что вечером телевизор в доме Пятайкиных остался не включённым, и супруги до самого утра в постели выдвельвали такое, что никакой «Камасутре» и не снилось...

Выходные пролетели как сон. Впереди были однообразные будни. А Пятайкину хотелось продолжения праздника. После работы он вновь заехал в аптеку, подарившую ему два незабываемых счастливых дня.

— Мне «Самое оно», на все,— сказал Григорий, протягивая сидящей на кассе матроне в белом халате всю свою заначку— пятьсот рублей.

— Нету, молодой человек, кончились.

— А как же теперь?..— растерянно пробормотал Пятайкин.— А когда мне зайти?

— Не знаю,— пожалала плечами матрона.— Насколько мне известно, остановили производство этого лекарственного средства. Лицензии у них не было. Да вы лучше «Виагру» купите...

— Нет, это совсем не то,— грустно сказал Пятайкин.— Валентине моей не это нужно. Вернее, не совсем это...

— Здравсьте-пожалуйста!— насмешливо хмыкнула матрона.— Можно подумать, что вы, мужики, всегда знаете, что женщине нужно.

— Я, пожалуй, знаю,— убеждённо заявил Григорий.

По пути домой он завернул не за пивом, как обычно, а зашёл в гастроном и купил готового фарша и макарон. Уже совсем перед домом заглянул и в цветочный павильон.

Открыв дверь, Валентина ахнула: Пятайкин протягивал ей цветы и невыразимо нежно улыбался. И привлекательнее, сексуальнее мужчины для неё в этот момент просто не существовало. А когда Григорий ещё и заявил, что на ужин сегодня будут макароны по-флотски, Валентина расплакалась прямо у него на груди.

— Милый, что с тобой?— всхлипывая, спросила она.— Ты не заболел?

— Да, милая моя, я вновь заболел. Тобой!— ласково сказал Григорий, целуя жену в завиток на виске.

— Тогда не выздоравливай. Никогда! Хорошо?

— Я постараюсь...

Рыбка моя

Я свою Светланку ласково зову «рыбкой». Ну, маленькая потому что, живая очень, трепетная. Красивая, конечно, а как же. И вот, казалось бы, за такой-то срок, что мы вместе, можно было изучить свою спутницу и подругу вдоль и поперёк. Ан нет— всё время открываю в ней что-то новое, неожиданное. Как вот в этот раз. Мы осуществили давнюю мечту— съездили отдохнуть вдвоём (а то всегда отдыхали порознь, иного совместная работа не позволяла, с прошлого же года ушли на пенсию). Да не куда-нибудь, а на сказочный Крит!

Всё там было чудесно. Но не обошлось без «ложки дёгтя»: туроператор «Пегас Туристик» в день отъезда выдернул нас из отеля не в десять часов утра, как было условлено ранее, а в пять тридцать, чтобы в шесть быть уже в порту на посадке в самолёт. Ну, поворчали накануне, потом смирились: попадём в Красноярск не ранним утром следующего дня, а вечером сегодняшнего, так что сын нас сможет встретить на машине.

Рано обрадовались! Встретивший нас в порту Ираклиона дежурный экипаж самолёта сообщил, что машина по техническим причинам задерживается. Сначала на одно время, потом— на второе, третье. И так— двенадцать часов! Нас, а это было почти полторы сотни туристов, уже вывели из накопителя обратно в здание порта, завели в пищеблок, да там и оставили ожидать.

Правда, два раза покормили при этом, чтобы не шибко ворчали, да и поводов меньше будет для возбуждения судебных исков. Время тянулось утомительно долго, и что при этом было особенно обидно— отправка других самолётов по всем направлениям шла бесперебойно. Одни мы, сибиряки, торчали как неприкаянные на втором этаже здания порта, заняв все сиденья и столики кафе.

И тут я увидел у кого-то из наших в руках «Комсомолку». Спрашиваю: где взял? Внизу, отвечает, есть газетный киоск. И я отправился вниз по лестнице, чтобы прикупить и себе газету, всё веселей будет дальше ждать затерявшийся где-то наш самолёт. Рыбку, задремавшую за столом, беспокоить не стал. Но, увы, «Комсомолку» уже разобрали. Греческие газеты мне, конечно, и задаром были не нужны. Нашёл мятый экземпляр «Жизни» (толстый усатый продавец взял за газетку, между прочим, два евро— чистый грабёж!)— думаю, хоть что-то будет почитать.

И только отошёл от киоска, слышу объявление по внутренней трансляции пассажирам красноярского рейса, которые должны срочно пройти на паспортный контроль! И заждавшийся народ как повалил сверху!

Смотрю, Светлана моя стоит у перил на втором этаже, озирается по сторонам. Меня-то нет! Она туда метнулась, сюда. Очками своими поплёскивает, всё вокруг сканирует, а меня, машущего ей снизу газетой— я, мол, здесь, спускайся!— не видит.

А все бегут в это время к стойке паспортной регистрации— мы, россияне, всегда так, всё боимся, что без нас автобус уедет, поезд уйдёт или самолёт улетит. И тут Светка выкидывает такой финт. Не выдержав нервного напряжения: мужа-то всё нет и нет, а все ведь уже пошли на посадку,— она начала нервически подпрыгивать на месте и всплёскивать руками. Ну совсем как ребёнок. А ведь ей (открою страшную тайну!) через пару

лет уже шестьдесят! Бабушка уже рыбка-то моя. А ведёт себя как глупая девчонка.

Я не выдержал и захохотал при виде такой картины. И громко, никого не стесняясь, пере-крикивая гомон толпы, крикнул:

— Светка, да я здесь! Спускайся давай!

Ну, подробности того, чего наговорила мне моя любимая, опущу. Это же она любя, боясь потерять меня. И поплыли мы с моей рыбкой... то есть полетели, счастливые, вместе домой...

Изюминка

Как-то одним мартовским утром я стоял в очереди в регистратуре красноярского СПИД-центра, чтобы сдать кровь на анализы,— не подумайте плохого, просто собирался на плановую госпитализацию, а без этого анализа, понятное дело, больница не примет.

Окошечко было ещё закрыто, и я, выбравшись из очереди, присел на лавку у стены. И тут мой взгляд зацепился за молодую женщину, стоявшую до этого впереди меня. Там, в очереди, я мог видеть только её узкую спину с рассыпанными по плечам роскошными рыжими, почти красными волосами. А тут, немного со стороны, появилась возможность рассмотреть её получше.

Правильно, начал я с ног, обтянутых колготками телесного цвета. И хотя ноги эти были открыты только до колен, выше их скрывало пальто, я от этих ног уже не мог оторвать глаз. Вернее, от щиколоток.

Боюсь, у меня не хватит слов, чтобы описать их красоту. Они были тонкие—не худые, а именно тонкие и изящные, плавно переходящие опять же в изящные округлые икры. Полы пальто не могли скрыть стройности этих ножек.

Обладательница их время от времени как-то по-особенному отставляла в сторону то одну, то другую ножку в красивых ботильонах (вот не люблю этого слова, но это были именно они, ботильоны). И столько женственности и сексуальности было в этой отставленной ножке!..

Но, блин, лучше бы она не оборачивалась, и я бы унёс с собой созданный в моём воображении образ пленительной молодой женщины.

Однако она обернулась. И оказалась простушкой, с размалёванными глазами, мелкий калибр которых не могла скрыть никакая краска, с толстоватым носом и большегубым ртом, опять же искусно, посредством помады, визуальным уменьшенным в размере.

М-да, не красавица... Но, с другой стороны, друзья мои, много ли вообще на свете таких женщин, в которых бы всё сочеталось самым наилучшим образом: и лицо, и фигура, и манеры, и этот, как его, ум? Таких, если честно, единицы. И я не открую

большого секрета, если скажу, что женщину мы вообще-то можем любить и за отдельные её, извилинки, части, наиболее пришедшиеся нам по вкусу.

Вот когда мне было десять лет, я влюбился в одноклассницу за то, что однажды увидел её на морозе синей, и этот цвет её к тому же ещё и хорошенького личика так сочетался с её сизовой меховой шубкой, что я на долгие годы, вплоть до окончания сельской восьмилетки, был в неё безответно влюблён. Впрочем, она о моих чувствах, я так думаю, и не догадывалась.

А уже став взрослым, перед армией влюбился в девчонку, в которой меня покорила её... носик! Такой аккуратный, точёный—ну просто само совершенство среди женских носиков. И я любил целовать его. Ну да, и губы тоже. До всего остального добраться, увы, не успел—до меня раньше добрался военкомат.

Ещё одна девушка, это когда я уже вернулся из армии, сводила меня с ума своей шеей—длинной, белой, с пульсирующей под почти прозрачной кожей синеватой жилкой. И для меня эта часть её тела была самой привлекательной. Не отказывался я, конечно, и от остальных, но вот эта почти лебединая шейка вводила меня в экстаз, и сколько бы её хозяйка шаловливо, а порой и сердито, ни шлёпала меня по губам, я так и не научился не оставлять на ней следы.

Или вот мой знакомый, Виктор—тот сходил с ума, если встречал особей с зелёными глазами. Он прямо трясся от вожделения и был готов идти за зеленоглазой женщиной на край света. И ведь встретила ему такая—Наташа, с глазами цвета малахита.

Правда, замужня уже, с ребёнком. Но Виктора это не остановило, он увёл зеленоглазую Наталью из семьи и увёз её хоть и не на край света, но, считайте, на край России, в Ставрополье. И они жили там счастливо, но, правда, недолго, потому что у Виктора эту Наташу сумел отбить другой любитель зелёных глаз.

Впрочем, пора уже возвращаться ко мне. Мне вот повезло: женился на женщине, которая ну само совершенство (чего уж там скромничать!). Но больше всего мне нравится её профиль. Он и сегодня у Светки остаётся очень милым и женственным, и я люблю вглядываться в него и думать: «До чего же хорошо, что я тебя когда-то встретил!..»

А то, что я иногда обращаю внимание и на других женщин, вовсе не означает, что я готов променять свою жену на кого-то другого. Ведь и на неё тоже кто-то смотрит. И пусть смотрит. Нельзя не любоваться красотой и совершенством женщины. Пусть они при этом не все красавицы. Но в каждой есть своя изюминка, заставляющая мужиков идти с ними хоть на край света...